

Кружкова Ольга Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой акмеологии и психологии среды, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: galiat1@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, начальник отдела развития научных исследований, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lorisha@mail.ru

Кривошекова Марина Сергеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: kmsolimp@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
И МАРГИНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь; политическая активность; маргинальные политические практики; цифровизация; интернет-поведение; протестное поведение.

АННОТАЦИЯ. Политическая активность молодежи является одним из определяющих факторов развития демократического общества. В эпоху цифровизации необходимо учитывать специфику изменений в проявлениях политических инициатив молодежи как поколения, погруженного в виртуальную реальность, поскольку именно это поколение основной средой для разнообразных форм активности выбирает интернет-среду. Тем не менее те политические практики, которые используются в цифровом пространстве, зачастую не институализированы и могут быть обозначены как маргинальные. В статье представлена типология и анализ наиболее типичных маргинальных политических практик, описана общая политическая активность молодежи, ее отношение к отдельным видам политических практик и готовность к их включению в собственные модели поведения. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 461 респондента в возрасте от 18 до 30 лет с помощью авторской анкеты, заполняемой в онлайн-режиме в Google-формах. Частотный анализ обозначил специфические особенности молодежи в контексте их участия в политической и общественной жизни страны, региона, города. Так, общий уровень политической и общественной активности молодежи достаточно невысок: малочисленны виды и формы деятельности, ограничены источники информации и площадки для коммуникации. Интернет является основной сферой реализации политических практик молодежи, в том числе маргинальных. Представленность последних смещается в сторону преобладания эмпатийных и прямых активных маргинальных политических практик. При этом для респондентов характерна демонстрация сдержанности в оценке собственной политической активности, что, вероятно, связано как с соображениями безопасности, так и с отсутствием явного интереса к политической жизни общества.

Krzhkova Olga Vladimirovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Vorobyeva Irina Vladimirovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Research Development, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Krivoshchekova Marina Sergeevna,

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Professionally Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

POLITICAL ACTIVITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH AND MARGINAL POLITICAL PRACTICES

KEYWORDS: youth; political activity; marginal political practices; digitalization; Internet behavior; protest behavior.

ABSTRACT. The political activity of youth is one of the determining factors in the development of a democratic society. In the digital age, it is necessary to take into account the specifics of changes in the manifestations of the political initiatives of youth as a generation immersed in virtual reality, since it is this generation that chooses the Internet environment as the main for various forms of activity. However, the political practices that are used in the digital space are often un institutionalized and can be labeled as marginal. The article presents a typology and analysis of the most typical marginal political practices, describes the general political activity of young people, their attitude to certain types of political practices and their willingness to use them in their own models of behavior. The empirical base of the study was the results of a survey of 461 respondents aged 18 to 30 using an author's questionnaire filled out online in Google forms. Frequency analysis identified specific features of youth in the context of their participation in the political and public life of a country, region, city. So, the general level of political and social activity of young people is rather low – the types and forms of activity are few in number, sources of information and platforms for communication are limited. The Internet is the main area of implementation of youth political practices,

including marginal ones. The representation of the latter is shifting toward the predominance of empathic and direct active marginal political practices. At the same time, the respondents are characterized by a demonstration of restraint in assessing their own political activity, which is probably due to both security considerations and the lack of a clear interest in the political life of society.

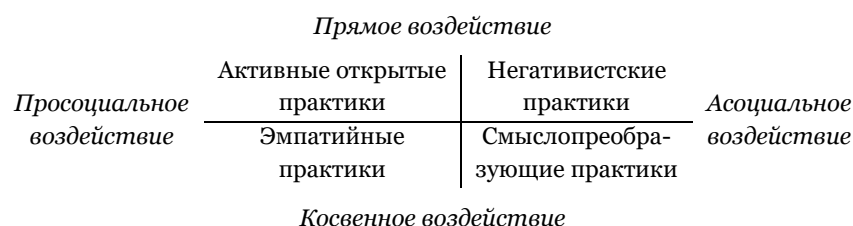
Введение. Современная молодежь обладает высоким потенциалом политической активности, однако ее характеристики имеют существенные отличия от привычных, устоявшихся политических практик более старших поколений. Существенное значение в этом имеют процесс цифровизации и наличие широких возможностей Интернета как альтернативной и дополняющей реальности, новой коммуникативной площадки и «новой демократической арены» [12, р. 347] для молодых поколений, чья социализация протекала уже исключительно в условиях изначального присутствия Интернета в каждодневной жизнедеятельности. Как отмечают О. А. Блинова и соавторы, одним из основных трендов современной политической реальности для молодого поколения является «медиатизация политики, трансформирующая политическое пространство в пространство соучастия, партиципации, где особое значение приобретают „низовые“ инициативы, где усиливается роль сообществ пользователей, вовлекаемых в цифровое пространство для решения проблем совместного существования» [9, р. 92].

Наличие существенного межпоколенческого разрыва [6] приводит к тому, что молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, зачастую отвергают традиционные политические институты и инструменты [14], вырабатывая, пробуя неформальные способы политического участия, экспериментируя с ними, постепенно перестраивая демократические процессы в соответствии со своим видением и в согласии со своими интересами и потребностями [12]. При этом основным полем, где разворачивается политическая активность молодых поколений, становится Интернет, в частности соцсети [11], посредством которых активно апробируются новые по своей форме в виртуальности, но имеющие отсыл к ранее существовавшим в реальном пространстве политические практики – распространение хештегов [7; 11], мемов [4; 7, 8; 11], музыкальных произведений, содер-

жащих политические интенции и призывы [11; 13]. Пространство сети Интернет и социальные сети предоставляют возможности для многообразного политического самовыражения молодежи, позволяя молодым людям находить единомышленников и сознательно подключаться к их аудитории через использование общих символических ресурсов [11]. При этом те политические практики, к которым обращается молодежь, зачастую не институализированы и содержат в себе признаки маргинальности [9].

Маргинальные политические практики, с одной стороны, можно понимать как нетипичные для ранее существующего опыта политической жизни, но активно используемые на сегодняшний день молодыми людьми неинституализированные формы выражения политической активности. Более глубокий анализ с учетом понимания феномена «политической маргинальности» [1; 2] позволяет сконструировать следующее рабочее определение маргинальных политических практик: это формы социальной активности, при реализации которых политический агент или группа агентов, являющихся активными, но не стремящимися стать частью политической системы (внесистемными) политическими игроками, используя политические инструменты (в том числе цифровые [10]), воздействуют на политическую систему общественных отношений в условиях реального и виртуального пространства, изменяя этим общество и себя как составную его часть.

Авторским коллективом (М. Р. Бабинова, О. А. Блинова, И. В. Воробьева, Ю. А. Горбунова, О. В. Кружкова, Р. Ю. Порозов) на основе анализа соцсетей, блогосферы, медиaprостранства были выделены наиболее распространенные маргинальные политические практики, используемые представителями молодежи в пространстве Интернета для выражения собственной политической позиции. Систематизация указанных политических практик производилась на основании типа воздействия на воспринимающую аудиторию и его направленности (рис. 1).

**Рис. 1. Пространственный континуум
типологии маргинальных политических практик**

Активные открытые политические практики предполагают прямое высказывание собственной политической позиции, однако мотивация подобных действий может существенно различаться у разных субъектов.

1. Практика онлайн-контактирования (интервьюирования) – публикация бесед или интервью с политиками (в том числе репосты) в своем блоге/влоге/канале, на страницах в соцсетях.

2. Практика самосовершенствования – участие в политике, разговоры о политике как способ самостановления, поиска себя и самореализации.

3. Практика монетизированного «социального серфинга» [3] (кочевничества) – формирование и высказывание своей политической позиции в соответствии с социальным коммерциализированным заказом при ведении личного влога/блога/канала или иной активности в политическом интернет-пространстве.

Эмпатийные политические практики направлены на эмоциональное и действенное выражение социального единства с определенной категорией, сопричастности к определенным событиям.

4. Практика демонстрации политической идентичности – использование хештегов, тематических надписей и прочего для демонстрации своей политической позиции.

5. Практика пассивной солидарности – выражение солидарности с происходящими в стране событиями (объявление траура, поздравление с национальными праздниками и т. п.) с отказом шутить на значимые темы через публикации, комментарии, репосты.

6. Практика активной солидарности – участие в интернет-флешмобах в защиту чего-либо или из-за протеста против каких-либо политических или иных событий.

Смыслопреобразующие политические практики основаны на изменении отношения к информационному сообщению посредством его фальсификации, смещения смысловых акцентов, юморизации, аффектирования и экзальтации.

7. Политические мемо-практики – выражение своего отношения к политическим событиям посредством формирования и распространения мемов на политические темы.

8. Практика политической постправды – игнорирование объективных фактов о политическом событии с последующим апеллированием к эмоциям и личным убеждениям последователей.

9. Практика политического фейка – намеренное распространение дезинформации о политических событиях.

Негативистские политические практики связаны с высказыванием отрица-

тельных установок и оценок по отношению к политическим событиям, политикам и их последователям.

10. Практика политического космополитизма – критика страны, ее системы управления, действующей власти с сопутствующим заявлением о намерении покинуть страну.

11. Практика политического троллинга – использование троллинга по отношению к какой-либо политической позиции или политическому деятелю.

Следует отметить, что политическая позиция не всегда выражается через применение явно демонстрируемых политических практик. В некоторых случаях маскировка или блокирование собственной политической позиции в информационном поле является следствием «спирали молчания», подталкивающей представителей молодежи к сокрытию своего отношения к политическим событиям или процессам в силу конформных тенденций или боязни потери собственного символического капитала [7]. В этом случае возможно выделить несколько вариантов политического отрицания.

1. Политическая индифферентность – демонстрация абсолютного (иногда демонстративного) безразличия к политическим темам.

2. Политический эскапизм – наличие знаний о политических дискурсах, но отсутствие реальной политической активности в виртуальном и реальном пространстве.

3. Политическое безучастие (абсентеизм) – исключение политических тем из собственного интернет-пространства, переключение на иные темы.

Однако подобная безучастность и отстранение от политической активности создает дополнительные риски маргинализации и гражданской индифферентности, не позволяя представителям молодежи осваивать необходимые инструменты политической активности, попутно ослабляя привязанность к своему городу, региону, стране, снижая доступ субъекта к возможностям, существующим в повседневной жизни гражданина [15].

Исходя из вышесказанного, актуальным остается вопрос о реальной политической активности современной российской молодежи и использовании ее представителями отдельных маргинальных политических практик. Для решения указанной задачи было проведено эмпирическое исследование с применением социально-психологических и социологических инструментов.

Методы исследования. Для сбора данных была разработана авторская анкета, в содержание которой вошли вопросы, направленные на выявление общей поли-

тической активности молодежи, а также конкретных политических практик в сети Интернет. Актуальные практики интернет-поведения молодежи, высокая вовлеченность в виртуальное коммуникативное пространство ее представителей делают их чувствительными к информационному контенту, распространяемому в Интернете [5], и более мотивированными к взаимодействию с ним. Вследствие этого анкетирование было организовано с использованием Google-форм в онлайн-режиме.

В опросе принял участие 461 респондент, после детального анализа собранного материала в итоговую таблицу данных вошли ответы 440 респондентов. Возраст участников исследования – от 18 до 30 лет,

средний возраст – 21 год, 35% – мужчины, 65% – женщины. Образование преимущественно незаконченное высшее – 51,4%, высшее – у 23,2%, среднее – 14,8%, среднее специальное – 8,2%, послевузовское – 2,5%. Обучаются в настоящий момент 86,4% опрошенных, закончили получение образования 13,6%. Занимаются профессиональной деятельностью 43%. Принявшие участие в исследовании респонденты проживают в Северо-Западном, Центральном, Приволжском, Южном, Уральском, Сибирском федеральных округах.

Результаты исследования и их об- суждение. Интерес молодежи к политическим и общественным событиям представлен на рисунке 2.

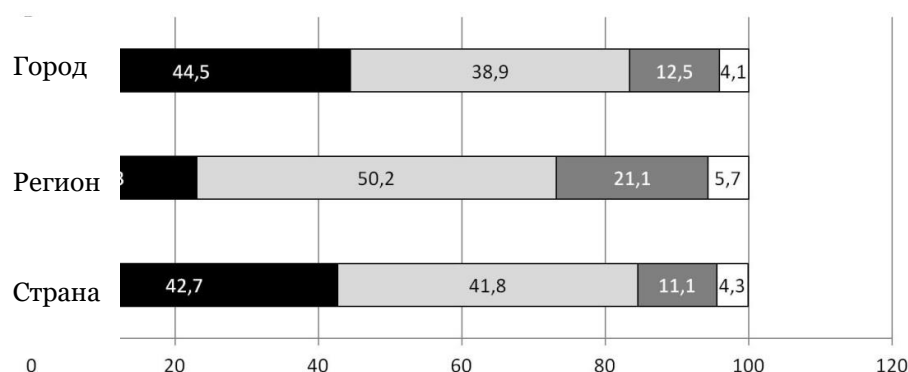

Рис. 2. Процентное распределение ответов респондентов на вопрос об их интересе к событиям политической и общественной жизни страны, региона, города

Прим. ■ – «Да, внимательно слежу»; ■ – «Слежу, но мне не очень интересно»; ■ – «Нет, меня это не интересует»; □ – «Затрудняюсь ответить».

Так, наибольшую включенность в событийно-информационное пространство молодежь демонстрирует в отношении страны в целом и конкретного населенного пункта (города), где она проживает. Регион вызывает меньшую заинтересованность юношей и девушек, возможно в силу их меньшего

опыта взаимодействия на данной территории либо слабого представления о роли власти регионального уровня в политических и общественных процессах.

Оценка общего положения дел с точки зрения молодого населения представлена на рисунке 3.

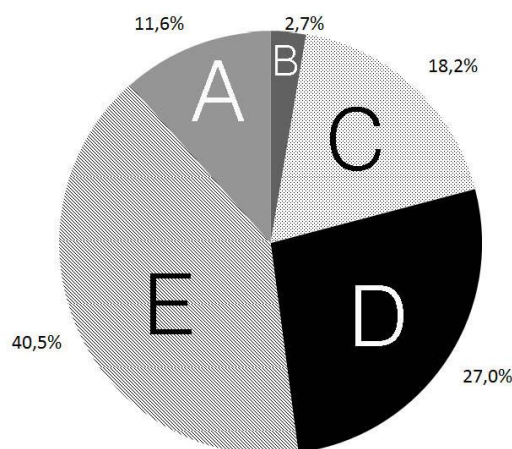

Рис. 3. Процентное распределение ответов респондентов на вопрос об оценке общего положения дел в стране, регионе, городе

Прим.: А – отрицательно; В – положительно; С – скорее положительно, чем отрицательно; D – нейтрально; E – скорее отрицательно, чем положительно.

Результаты частотного анализа демонстрируют достаточно пессимистическую тенденцию: более 50% молодежи оценивают сложившуюся ситуацию либо однозначно

но отрицательно, либо с существенным преобладанием данной негативной оценки.

Источники информации о политической и общественной жизни для молодежи представлены на рисунке 4.

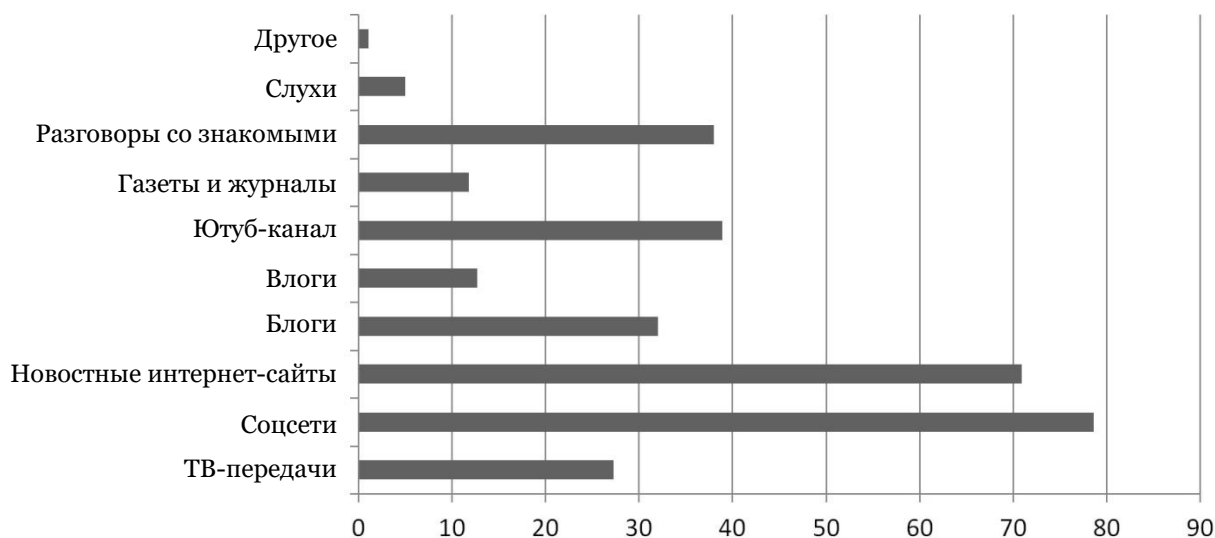

Рис. 4. Источники информации о политической и общественной жизни страны, региона, города для молодежи

Так, основным источником информации для молодежи являются ресурсы Интернета, а именно социальные сети и новостные сайты: более 70% опрошенных использует именно их в своей ежедневной практике. Чуть менее 40% предпочитают каналы видеохостинга (Ютуб-канал), коммуникацию с конкретными людьми или блоги. И если первая группа источников

информации представляет ситуацию достаточно обобщенно и с расчетом на большие группы населения, то вторая — адресно и избирательно, т. е. такие источники ориентированы на конкретного человека или небольшую группу.

Конкретные виды политической и общественной активности представлены на рисунке 5.

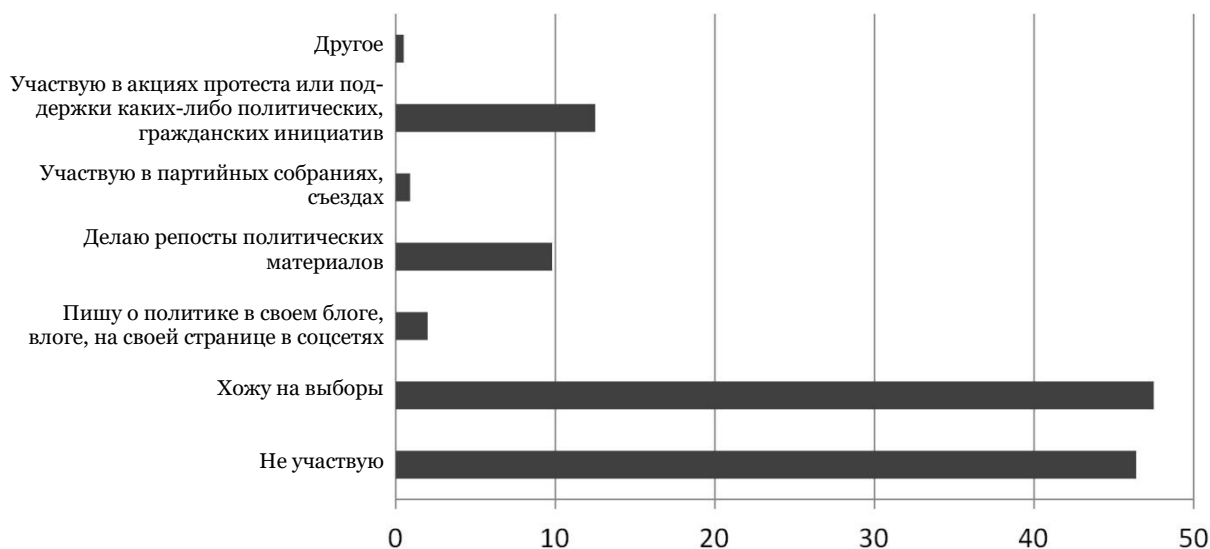

Рис. 5. Виды активного участия молодежи в политической и общественной жизни страны, региона, города

подавляющее большинство молодых людей и девушек (46,4%) указывает на то, что они не участвуют в политических и общественных процессах, 47,5% опрошенных — принимают участие в выборах. На третьем месте, с существенной разницей (12,5%), —

участие в акциях протеста или поддержки каких-либо политических, гражданских инициатив. Можно констатировать, что активность молодежи очень ограничена и представлена преимущественно в формате

участия в единоразовых и достаточно редких событиях.

Подтверждением последнего факта можно считать и конкретизацию частоты участия молодежи в выборах: так, всегда ходят на выборы только 21,5% опрошенных, стараются принять участие – 15%, редко или от случая к случаю – 43,6%, никогда не принимали участие в выборах 20,2% респондентов.

Помимо этого, только 8,4% представителей молодежи являются членами политических партий или общественных организаций. Из них на первом месте общественные объединения, на втором – профессиональные объединения, на третьем – научные и творческие сообщества. Подавляющее число респондентов (99,6%), состоящих в них, уверены, что посредством объединений можно донести свою точку зре-

ния или отстоять свои интересы, чуть более половины (58%) связывают с ними свои планы на будущее.

Общую активность молодежи в политической сфере респонденты оценивают достаточно оптимистично – активность и относительную активность приписывают данной возрастной категории 19,5% и 37,7% соответственно. На ситуативный характер включенности молодежи в политическую жизнь указывают 30,5% опрошенных. 10,5% считают, что молодежь пассивна, а 1,8% – что вообще не участвует в каких-либо политических событиях. При этом 74,8% уверены, что политика зависит от бизнеса и любые политические события тесно взаимосвязаны с экономическими процессами.

Указание конкретных площадок, где молодежь наиболее активна, представлено на рисунке 6.

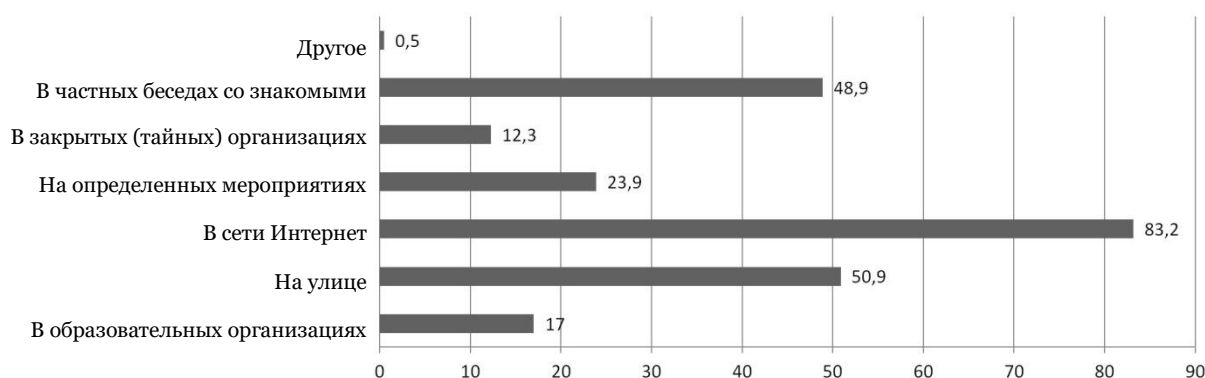

Рис. 6. Распределение площадок для реализации политической активности молодежи

Так, подавляющий процент опрошенных молодых людей и девушек указывает на то, что политически активное поведение они демонстрируют в сети Интернет, на втором месте – улица, на третьем – беседы со знакомыми. Приоритет Глобальной сети не случаен и даже закономерен, так как именно здесь молодежь чувствует себя наиболее свободной в силу факторов максимальной включенности и высокой компетентности в использовании интернет-ресурсов, а также ощущения анонимности, легкости и простоты коммуникации. Более того, молодежь крайне толерантна к выражению политических взглядов другими людьми в сети Ин-

тернет («абсолютно одобряю» – 24,5%; «чаще одобряю» – 23,4%; «иногда одобряю» – 41,8%; «чаще не одобряю» – 7,3%; «абсолютно не одобряю» – 3%). Улица, вероятнее всего, подразумевает какие-либо событийные мероприятия – митинги, марши, шествия и пр. как легализованного, так и спонтанного характера. Беседы предполагают наличие партнеров по интересам, т. е. референтную группу, для которой будет значимым обсуждение какого-либо политического или общественного события.

Отношение к отдельным маргинальным политическим практикам представлено на рисунке 7.

Рис. 7. Процентное распределение одобрения молодежью отдельных маргинальных политических практик

Так, к самым одобряемым маргинальным политическим практикам молодежь относит выражение солидарности с какими-либо политическими событиями, публикацию бесед и интервью с политиками на собственных страницах в социальных сетях. Вероятнее всего, срабатывают общие закономерности поведения человека в Глобальной сети, провоцирующие реагировать на любой просматриваемый контент, даже без глубокого погружения в обсуждаемую проблематику. Также достаточно популярными и просоциальными, по мнению респондентов, являются хештеги и надписи на политические темы, участие в разнообразных флешмобах в виртуальной сети, а также любые беседы на политические темы. По-

добные формы молодежной активности также конгруэнтны общей поведенческой модели, целенаправленно ориентированной на поиск и использование любых инструментов привлечения внимания к себе. Самой неодобряемой практикой является намеренная дезинформация в связи с какими-либо политическими событиями, к нежелательным вариантам политической активности молодежь также относит целенаправленное игнорирование фактов при коммуникации с использованием эмоционально ориентированных аргументов, намеренную демонстрацию безразличия и троллинг политических оппонентов.

Использование рассмотренных практик молодежью представлено на рисунке 8.

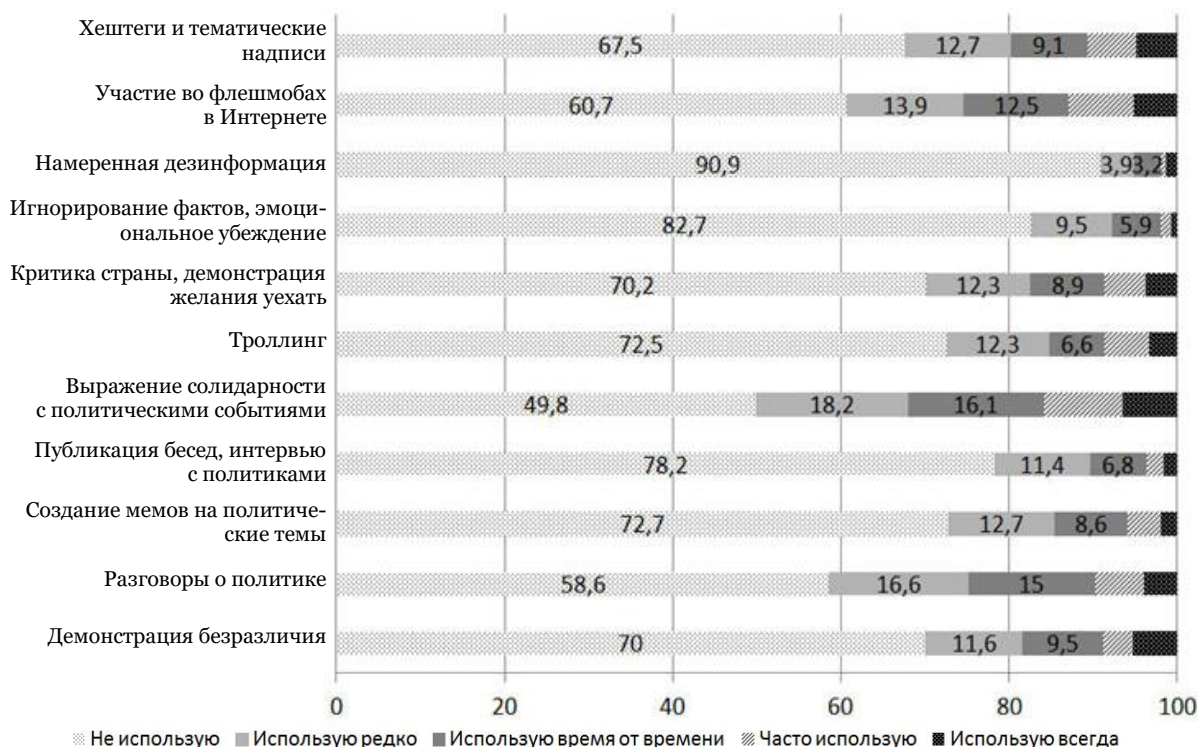

Рис. 8. Процентное распределение использования молодежью отдельных маргинальных политических практик

На рисунке наглядно видно, что большая часть респондентов фактически отрицает использование каких-либо маргинальных политических практик в сети Интернет. Так, более 90% опрошенных указывают на то, что никогда намеренно не дезинформируют своих собеседников или подписчиков, более 80% не игнорируют факты о политических событиях, опираясь исключительно на эмоциональный контекст ситуации. Также в большинстве своем молодые люди не публикуют на своих страницах и в аккаунтах беседы или интервью с политиками, не создают мемы на политические темы, не используют троллинг и не критикуют страну с заявлениями о готовности ее покинуть. Наименее категоричными оценками респонденты отметили выражение солидарности с политическими событиями и разговоры о политике, признавая, что время от времени склонны это делать.

Особый интерес вызывает очевидное рассогласование оценок в отношении одобрения маргинальных политических практик и опыта их личного использования. Отрицание последнего, безусловно, вызвано закономерно возникающим и слабо контролируемым феноменом социальной желательности, часто проявляющимся при использовании метода анкетирования. В связи с этим целесообразнее ориентироваться на результаты ответов респондентов на вопросы, связанные с одобрением, а соответственно частичным принятием (скрытой готовностью) для себя данной модели поведения.

Уточняющие вопросы, связанные с репостами политических материалов, также указывают на некоторую сдержанность молодых людей и девушек: так, на подобную активность указало только 15,7% респондентов. Основными причинами пассивности молодежи в данном вопросе выступило отсутствие интереса (38,4%), возможные проблемы с законом (32,5%), потенциальная угроза физической безопасности (18,2%).

Выводы. Исходя из результатов проведенного теоретического и эмпирического исследования можно обозначить ряд тенденций в реализации политической активности современной российской молодежи.

1. Наиболее часто представители молодежи демонстрируют пассивную политическую позицию, при этом более половины опрошенных не участвуют в выборах, не следят или следят без интереса за политическими событиями в стране, регионе или населенном пункте. Однако вместе с тем в неперсонифицированных представлениях молодых людей молодежь воспринимается преимущественно как политически активная категория граждан.

2. Основной площадкой реализации политической активности молодежи является Интернет, который одновременно с этим является основным источником информации для представителей молодежи о политической и общественной жизни.

3. Большинство опрошенных представителей молодежи отрицает использование маргинальных политических практик при

реализации собственной политической активности, однако большая часть из них демонстрирует одобрение и скрытую готовность к применению активных открытых и эмпатийных политических практик.

4. Большинство представителей молодежи демонстрирует сдержанность в выражении своей политической позиции, маскируя или блокируя распространение информации о собственных политических взглядах и приверженностях, в том числе из-за соображений безопасности или отсутствия явного интереса к политической жизни общества.

Благодарим за помощь в формировании выборки наших друзей и коллег: Ю. А. Горбунову (Москва), Е. В. Зинченко (Ростов-на-Дону), Е. А. Куба, Е. Г. Миляеву (Челябинск), Ю. А. Кузовенкову (Самара), В. А. Лебедеву, Т. А. Недошивину, И. С. Шахновича, К. Г. Баймурзину (Екатеринбург), А. Ю. Маленову (Омск), Е. А. Оболенскую (Новосибирск), В. К. Солондаева (Ярославль), а также наших студентов и магистрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вафин А. М. Политическая маргинальность: психология и идеология // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 307-310.
2. Вафин А. М. Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 137-143.
3. Воробьева И. В., Кружкова О. В., Симонова И. А. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодежи в современном обществе // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 5. – С. 45-50.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. О. Фоминой. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
5. Руденкин Д. В. Перспективы использования интернета для работы с общественным мнением молодежи: социологический анализ // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. – Ярославль, 2019. – С. 126-132.
6. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет как инструмент коммуникации российской молодежи: тренды и риски // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2019. – С. 153-159.
7. Чирун С. Н., Николаев А. В., Зайцева В. А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. – 2018. – № 3. – С. 7-13.
8. Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. – 2015. – № 22. – С. 28-41.
9. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers [Electronic resource] // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019)). – 2019. – Vol. 331. – P. 91-96. – Mode of access: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19>.
10. Von Bülow M., Vilaça L., Abelin P. H. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile // Information Communication and Society. – 2019. – Vol. 22. – Iss. 12. – P. 1770-1788.
11. Literat I., Kligler-Vilenchik N. Youth collective political expression on social media: The role of affordances and memetic dimensions for voicing political views // New Media and Society. – 2019. – Vol. 21. – Iss. 9. – P. 1988-2009.
12. Percy-Smith B., McMahon G., Thomas N. Recognition, inclusion and democracy: learning from action research with young people // Educational Action Research. – 2019. – Vol. 27. – Iss. 3. – P. 347-361.
13. Stainova Y. Dancing energies: Music, the ineffable, and state power in Venezuela // Anthropological Quarterly. – 2019. – Vol. 92. – Iss. 3. – P. 877-902.
14. Winter F. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima // Latin American Perspectives. – 2019. – Vol. 46. – Iss. 5. – P. 73-89.
15. Wray-Lake L. How Do Young People Become Politically Engaged? // Child Development Perspectives. – 2019. – Vol. 13. – Iss. 2. – P. 127-132.

REFERENCES

1. Vafin A. M. Politicheskaya marginal'nost': psikhologiya i ideologiya // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. – 2017. – T. 6. – № 4 (21). – S. 307-310.
2. Vafin A. M. Politicheskaya marginal'nost': teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2011. – № 4. – S. 137-143.
3. Vorob'eva I. V., Kruzhkova O. V., Simonova I. A. Sotsial'nyy serfing: spetsifika tsennostnykh orientatsiy molodezhi v sovremennom obshchestve // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2015. – № 5. – S. 45-50.
4. Dokinz R. Egoistichnyy gen / per. s angl. N. O. Fominoy. – M.: Mir, 1993. – 318 s.
5. Rudenkin D. V. Perspektivy ispol'zovaniya interneta dlya raboty s obshchestvennym mneniem molodezhi: sotsiologicheskii analiz // Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: sbornik nauchnykh statey / pod obshch. red. A. V. Sokolova, A. A. Vlasovoy. – Yaroslavl', 2019. – S. 126-132.
6. Rudenkin D. V., Rudenkina A. I. Internet kak instrument kommunikatsii rossiyskoy molodezhi: trendy i riski // Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchestv, institutov i territoriy: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Ekaterinburg, 2019. – S. 153-159.

7. Chirun S. N., Nikolaev A. V., Zaytseva V. A. Politicheskie tekhnologii v setevoy real'nosti postmoderna // *Vlast'*. – 2018. – № 3. – S. 7-13.
8. Shomova S. A. Politicheskiy internet-mem: sushchnost', spetsifika, raznovidnosti // *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. – 2015. – № 22. – S. 28-41.
9. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers [Electronic resource] // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019))*. – 2019. – Vol. 331. – P. 91-96. – Mode of access: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19>.
10. Von Bülow M., Vilaça L., Abelin P. H. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile // *Information Communication and Society*. – 2019. – Vol. 22. – Iss. 12. – P. 1770-1788.
11. Literat I., Kligler-Vilenchik N. Youth collective political expression on social media: The role of affordances and memetic dimensions for voicing political views // *New Media and Society*. – 2019. – Vol. 21. – Iss. 9. – P. 1988-2009.
12. Percy-Smith B., McMahon G., Thomas N. Recognition, inclusion and democracy: learning from action research with young people // *Educational Action Research*. – 2019. – Vol. 27. – Iss. 3. – P. 347-361.
13. Stainova Y. Dancing energies: Music, the ineffable, and state power in Venezuela // *Anthropological Quarterly*. – 2019. – Vol. 92. – Iss. 3. – P. 877-902.
14. Winter F. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima // *Latin American Perspectives*. – 2019. – Vol. 46. – Iss. 5. – P. 73-89.
15. Wray-Lake L. How Do Young People Become Politically Engaged? // *Child Development Perspectives*. – 2019. – Vol. 13. – Iss. 2. – P. 127-132.